

Гаррисону Беллу было девяносто шесть. Через несколько дней должно было исполниться девяносто семь.

Угасающее тело держалось лишь на безмятежной силе духа. Именно эта сила заставляла его каждое утро с замиранием сердца открывать потайную дверь кабинета и входить в одну и ту же сокровищницу.

Там покоился испещрённый тонкой сеткой трещин десятиструнный гуцинь.

Беллу впервые увидел его в шестнадцать лет, и уже тогда инструмент казался древним, дряхлым, готовым вот-вот рассыпаться в прах.

Минуло семьдесят девять лет. Сам Беллу покрылся глубокими морщинами и одряхлел, но гуцинь оставался точно таким же, как в день их первой встречи.

Направив инвалидное кресло к столу, он подъехал ближе.

Слегка приподняв руку, он коснулся струн. Старческие, иссохшие пальцы привычно и легко исполнили приёмы гоу и тяо.

Струны, холодные как иней, отозвались чистым, ласкающим слух перезвоном.

Звуки не складывались в мелодию, но в сознании Беллу рождался зыбкий призрак возвращённой молодости. С каждым ударом струны он мысленно уносился вспять, в те годы, когда впервые ступил на землю Китая.

Ему казалось: пока жив этот гуцинь, смерть не властна и над ним.

Пусть тело изуродовано старостью, а душа увядает — пока он дышит, он будет хранить память о Шэнь Лине. Рядом с этим инструментом.

Внезапно из динамика системы наблюдения раздался голос помощника:

— Сэр, прибыл господин Доменико. С ним молодой мастер-лютье.

Беллу очнулся от воспоминаний. Бросив взгляд на всё ещё вибрирующие струны «Изящного созвучия», он убрал руку и направил кресло к выходу из кабинета.

В кабинете его уже ждал помощник. Он бережно покатил кресло через анфиладу комнат в просторную, залитую светом гостиную.

Там переминался с ноги на ногу взволнованный Доменико. Рядом стоял совершенно спокойный Чжун Ин.

Сегодня Чжун Ин пришёл налегке, без футляра. На нём были простая рубашка и тёмные брюки, а чёлка уложена так, чтобы придавать лицу более зрелый и надёжный вид.

Как-никак, сегодня он играл роль опытного мастера, приглашённого починить бесценную реликвию.

— О, Беллу! Взгляни, какого выдающегося мастера я для тебя отыскал! — Доменико тут же шагнул навстречу старому другу. — В Китае он нарасхват, настраивает и чинит инструменты в лучших мастерских. А сейчас приехал в Италию, помогает лавкам в Чайна-тауне. Какая удача, что я его встретил!

В устах умудрённого годами пианиста эта ложь звучала на редкость убедительно. Доменико и впрямь обожал бродить по колоритным улочкам Чайна-тауна, выискивая забавные китайские безделушки, чтобы развлечь больного товарища.

Чжун Ин молча стоял поодаль, слушая сумбурные, преувеличенные восторги пианиста, и украдкой разглядывал девяностошестилетнего старца.

Тот был невыразимо стар. На поредевших волосах серебрилась седина, лицо превратилось в глухую маску из морщин. Он полулежал в кресле, истончённый, почти невесомый, готовый в любую секунду испустить дух, — но в то же время в его суровом, застывшем облике угадывалось величие древнего каменного изваяния.

Затуманенный взор старика медленно переместился с Доменико на Чжун Ина.

Беллу прищурился, оценивающе всматриваясь в гостя. Строгий покрой рубашки и аккуратная причёска делали его похожим на преуспевающего юриста или бизнесмена. Но глаза... Глаза Чжун Ина светились такой чистой, юношеской непреклонностью, что даже сквозь пелену старческой слепоты Беллу почувствовал их живую силу.

Беллу недовольно нахмурился:

— Друг мой, тебе не кажется, что твой мастер слишком молод?

Доменико даже глазом не моргнул:

— Да брось ты! Молодость не помеха таланту. Я своими глазами видел, как ловко он натягивает струны и правит порошки. Пусть ему всего...

— Господин Гаррисон Беллу, — Чжун Ин мягко, но уверенно перебил пианиста, не дав тому запутаться в собственной лжи. Его тон оставался безупречно вежливым, но твёрдым. — В нашем ремесле мастерство измеряется не годами жизни, а опытом. Я взял в руки инструменты в три года, перенимая секреты деда. В пять лет умел на слух настраивать цинь, в семь — натягивать шёлковые струны и наносить лак, а к десяти годам полностью изготовил свой первый инструмент. За четверть века через мои руки прошли десятки великих реликвий. Позвольте узнать, какую именно лютню вам нужно привести в порядок?

Чжун Ин сразу перешёл к делу. В его манере держаться сквозило высокомерие истинного гения, для которого обычная настройка струн — слишком мелкая, почти докучная работа. Он говорил уверенно, даже дерзко, словно спешил поскорее закончить и уйти.

Беллу окинул его долгим, недоверчивым взглядом:

— Ты занимаешься этим искусством двадцать пять лет?

— Мне двадцать восемь, — спокойно кивнул Чжун Ин. — И да, двадцать пять из них я посвятил циню.

— Именно! — горячо закивал Доменико, спеша закрепить успех. — Мой дорогой Беллу, ты же знаешь, как обманчива внешность азиатов. Уверяю тебя, я бы не привёл к тебе дилетанта. В Чайна-тауне полно мастеров почтенного возраста, но большинство из них занимаются ремеслом от силы лет десять-пятнадцать. У Чжун Ина стаж больше, чем у них всех, вместе взятых! Потому я и настоял на его визите.

Пианист трещал без умолку, отчаянно пытаясь скрыть волнение. К счастью для него, старик Беллу уже не слушал эти излияния. Он погрузился в молчание, словно взвешивая каждое слово молодого человека.

Чжун Ин кожей чувствовал недоверие хозяина усадьбы. Одними уговорами и фальшивыми рекомендациями этого упрямого старца было не пронять.

Чжун Ин слегка поправил манжеты рубашки и, глядя старику прямо в глаза, спросил с напускным равнодушием:

— Из какого дерева сработан ваш цинь?

Беллу промолчал, продолжая буравить его колючим, пронизывающим взглядом.

Чжун Ин и не ждал ответа. Он продолжил ровным, наставительным тоном:

— Традиционно для изготовления лучших гуциней берут отборную павловнию, китайскую ель или сосну. Поскольку сейчас чаще используют струны на нейлоновой основе со стальным

сердечником, звучание инструмента почти целиком зависит от свойств древесины. Великий учёный Шэнь Ко в своём трактате «Эссе у ручья снов» писал: «Что до звучания циня, то хоть голоса их чисты и наполнены, среди них есть гулкие и лёгкие — само дерево таит в себе пять чистых тонов». Это значит, что материал диктует характер голоса. И то, как натягивать струны и какого строя добиваться, зависит от самой древесной плоти.

Он сделал короткую паузу и развил мысль:

— Цинь из павловнии звучит густо и строго; из ели — чисто, хрустально, словно горный родник; из сосны — открыто и мягко. Каждое бревно имеет свой неповторимый нрав. Однако человек без сердца мёртв, а дуплистое дерево искажает звук. И я считаю, что лучший материал — это вовсе не порода. Это живое дерево.

— Живое дерево? — эхом отозвался Беллу. Это непривычное выражение наконец пробудило в нём искру живого интереса.

Поняв, что нащупал верную струну, Чжун Ин смягчил тон. На его лице отразилось благородное спокойствие истинного мастера:

— Именно. Живое дерево — это вековой исполин, выросший на склонах священных гор, омываемый туманами и впитавший дыхание земли. Когда бушует ураган, ствол такого дерева стоит непоколебимо, отзываясь на удары ветра протяжным гулом. О подобных деревьях у нас говорят: «Древо старо, но сердце его молодо — из него родится великий цинь».

Беллу долго молчал, нахмутив седые брови. В тишине гостиной едва слышно прозвучал его шёпот:

— Древо старо, но сердце молодо...

Чжун Ин понял, что старик колеблется. Беллу нервно барабанил узловатыми пальцами по кожаному подлокотнику. Он словно заново переживал услышанные слова, силясь разглядеть за ними какую-то скрытую суть.

Вдруг помутневший взор старика прояснился. Беллу резко вскинул голову и в упор уставился на Чжун Ина:

— Откуда ты знаешь эти слова? Про молодое сердце старого древа?

— Это профессиональная поговорка, — мягко улыбнулся Чжун Ин. При упоминании о покойном дедушке его голос зазвучал с искренней теплотой и почтением. — Мой дед был выдающимся лютье. Он передал мне мудрость поколений, чтобы я учился выбирать лишь благородный материал и лучшие струны, способные вдохнуть жизнь в инструмент, неподвластный векам.

— Поговорка... — задумчиво протянул Беллу. Он нажал кнопку на подлокотнике, и электрическое кресло плавно развернулось. — Кажется, я уже слышал нечто подобное. В вашем ремесле действительно много неписанных законов.

Помощник поспешил занять своё место позади кресла и покатил его к выходу. Спина старика казалась ещё более сгорбленной, когда до гостей донёлся его тихий, надтреснутый вздох:

— Что ж, пойдём, молодой человек. Надеюсь, твои навыки соответствуют твоим речам.

Кресло Беллу катилось впереди, увлекая Чжун Ина за собой по бесконечным, залитым солнцем коридорам виллы и мимо безупречно ухоженных внутренних двориков. Чжун Ин шёл с тяжёлым сердцем. Его терзало нетерпение: действительно ли заветный инструмент ждёт его впереди? А что, если старик приберёт для настройки совсем другой цинь?

Рядом тяжело дышал Доменико, то и дело бросая на спутника тревожные взгляды. Чжун Ин прекрасно понимал безмолвное предостережение пианиста: «Держи себя в руках, не глупи». Поместье Беллу охранялось не хуже военной базы, а за каждым углом скрывались камеры и датчики движения. Стоило допустить малейшую оплошность, и охрана скрутила бы их за попытку кражи или вторжение на частную территорию.

Очевидно, фанатичная решимость юноши не на шутку напугала Доменико. Старый пианист опекал его как родного сына, панически боясь, что тот полезет на рожон из-за старой деревяшки и лишится жизни, оставив его отвечать перед Фань Чэньюнем.

Наконец они вошли в просторный кабинет. Доменико недоумённо огляделся вокруг:

— Беллу, но почему мы в кабинете? Разве лютия хранится не в зале?

Беллу глухо рассмеялся и протянул сухую руку к резному краю книжного шкафа. Послышался сухой щелчок скрытого механизма, стена бесшумно поползла в сторону, открывая проход в потайную комнату.

Тайное хранилище плавно расширяло границы кабинета.

— Моё сокровище покоится здесь, — ответил старик, оборачиваясь к Доменико. — В этой комнате созданы особые условия, и я прихожу сюда каждый божий день.

У пианиста отвисла челюсть:

— Мы дружим сорок лет, и ты ни разу мне об этом не говорил!

Он порывисто схватил Чжун Ина за рукав, увлекая за собой, но заметил, что юноша застыл у

самого входа, подняв голову к стене.

— Что ты там увидел? — шёпотом спросил Доменико.

Взгляд Чжун Ина был прикован к стене у двери, где под стеклом в дорогой раме висел старый документ. Он вглядывался в аккуратные строчки на итальянском языке, не веря собственным глазам.

«Это... письма господина Шэня, отправленные в Италию», — мысленно заключил он. Голос его дрогнул, выдав глубокое потрясение.

С самых юных лет Чжун Ин буквально наизусть знал дневники Шэнь Линя. Тот со скорбью писал о посланиях, отправленных за океан в надежде вернуть цинь. Они бесследно исчезли, не удостоившись ни единого ответа, и Шэнь Лин до последнего вздоха терзался неведением, дошли ли они вообще до адресата.

И вот эти письма висели здесь, в частном кабинете Беллу, оформленные как коллекционные экспонаты!

Вложенные под стекло пожелтевшие листы несли на себе каллиграфический перевод на итальянский:

«... Надеюсь, время не властно над нашей дружбой, и она пребудет вечной, подобно бескрайнему океану...»

«... Шлю вам мои самые искренние пожелания крепкого здоровья и процветания из далёкого Китая...»

Строки, переведённые на итальянский, звучали напыщенно и слащаво, в корне отличаясь от сдержанного слога, который Чжун Ин привык видеть в рукописях мастера. В каждой фразе сквозила угодливая, почти заискивающая интонация.

Подпись внизу действительно гласила «Шэнь Лин» на китайском, но почерк не имел ничего общего с размашистыми мазками кисти настоящего Шэня. Рядом красовалась приписка мелким шрифтом: «Перевёл Люк, посол Китайской Республики в Италии».

Чжун Ин наотрез отказывался верить, что эти строки вышли из-под пера Шэнь Линя. И уж давно не верил, что этот посол Люк перевёл письма честно. С какой стати Шэнь Лин стал бы расточать столь приторные любезности безликому западному коммерсанту — будь то сам Гаррисон или его отец? Между ними никогда не было и не могло быть столь близких отношений.

Но главное — ни на одной из шести пожелтевших страниц не было ни единого слова с

требованием вернуть «Изящное созвучие»!

Лицо Чжун Ина потемнело от гнева. Перед ним висела наглая, грязная фальшивка. Продажный чиновник Люк попросту переписал письма Шэнь Линя, сочинив сладкую сказку о вечной дружбе, чтобы потакать прихотям богатых покровителей. Точно так же, как кто-то позже изготовил лживый дубликат циня для музея озера Цинлин.

С трудом сдерживая ярость, он до боли сжал кулаки. Из раздумий его вывел тихий, старческий голос Беллу:

— Ты слышал о Шэнь Лине?

— Да, — процедил Чжун Ин сквозь зубы, в упор глядя на почтенного старца. — О том, как вы передали десятиструнное «Изящное созвучие» маэстро Фань Чэньюню, в Китае знает каждый. Я подробно изучал историю этого инструмента, так что имя господина Шэня мне хорошо знакомо. Более того, мне известно, что этот инструмент изначально принадлежал именно ему!

Но Беллу даже не смутился. Напротив, его измождённое лицо озарилось счастливой улыбкой, и он дребезжаще рассмеялся:

— Верно! «Изящное созвучие» принадлежало моему дорогому другу Шэню. Когда я гостил в Китае, он часто играл для меня. Клянусь, прекраснее музыки я не слышал за всю свою долгую жизнь. Эти воспоминания — лучшее, что у меня осталось. Прошли десятилетия, но я помню каждый звук.

Радость старца казалась Чжун Ину кощунством. Он-то знал горькую правду: Шэнь Лин никогда близко не знал этого человека. Стал бы гордый китайский затворник услаждать слух заезжего коммерсанта своей драгоценной музыкой? Никогда. Всё это было лишь иллюзией, рождённой то ли старческим маразмом, то ли циничным самообманом.

Но Беллу, вдохновлённый общими воспоминаниями, отбросил былую холодность. Он торопливо поманил Чжун Ина рукой, словно боясь упустить момент:

— Идём же, мальчик мой! Теперь я вижу, что не ошибся в тебе. Помоги мне настроить инструмент. Это копия «Изящного созвучия», которую я заказал много лет назад. Уверен, она приведёт тебя в восторг.

Слово «копия» заставило Чжун Ина мгновенно забыть о поддельных письмах. Оставив бесплодные споры, он быстро пошёл следом за катящимся креслом.

Они оказались в просторной, уединённой галерее. Стены здесь были увешаны старинными свитками каллиграфии и живописи, а на специальных подставках покоились разнообразные струнные инструменты. Воздух здесь был пропитан благородным духом искусства, создавая

ощущение, будто они перенеслись в традиционную китайскую усадьбу.

В самом центре комнаты на изящном столике спал тот самый десятиструнный цинь.

Окружённый древними полотнами, инструмент завораживал взгляд. Его глубокий чёрный корпус из эбенового дерева мягко мерцал традиционным лаком с примесью оленьего рога. Десять шёлковых струн отливали холодным перламутром. Эта лютия выглядела несравнимо более величественной и древней, нежели тот жалкий новодел, что выставлялся в музее озера Цинлин.

Чжун Ин приблизился бесшумным, скользящим шагом, боясь потревожить покой реликвии. Корпус инструмента покрывал узор мелких трещин, напоминающий змеиную чешую, а на изогнутом кончике темнел изящный рисунок цветущей сливы. Внешне этот цинь один в один повторял музейный экспонат — положи их рядом, и ни один эксперт не уловил бы разницы на глаз.

Но подлинное «Изящное созвучие» было единственным в мире. Никакое эбеновое дерево и лучшие шёлковые нити не способны повторить тот великий, чистый голос, рождённый под пальцами Шэнь Линя тысячу лет назад.

Чжун Ин, позабыв об осторожности, занёс ладонь над струнами. Пальцы совершили резкое движение — ти и тяо. Струны вздрогнули в унисон, и под сводами галереи раздался чистый, хлёсткий аккорд: «Дзэн!»

— Что ты творишь?! — в ярости закричал Беллу, от неожиданности едва не выпрыгнув из своего кресла.

Чжун Ин даже не повёл бровью. В его глазах Беллу был обычным вором, чьё мнение не стоило и ломаного гроша. Он мягко прижал струну левой рукой и выполнил вибрирующее скольжение — приём нао. Голос циня обрёл невероятную глубину, плотный звук ушёл в саму древесину корпуса, рождая тот самый, веками лелеемый гул деревянной рыбы — глухой, благородный, похожий на отзвук храмового колокола.

Едва затихло эхо, как правая рука Чжун Ина заскользила по струнам, извлекая быстрый перебор, а левая плавно прошла по грифу. Звуки рассыпались хрустальной каплей, словно пробуждая ото сна застывшую душу древнего инструмента.

У Доменико сердце ушло в пятки. Он испуганно прошептал:

— Чжун Ин, потише...

Юноша даже не поднял головы. С самым невозмутимым видом он продолжал прижимать струны, поясняя деловым тоном эксперта:

— Струны сильно провисли, на инструменте явно не играли долгие годы. Пыли на поверхности нет, но внутренняя резонаторная коробка забилась микрочастицами и требует тщательной чистки. И сам строй...

Он сделал резкий взмах пальцами — приём пола, сорвавший со струн лавину чистых, звонких нот, а затем перешёл на отрывистые, частые щипки, имитирующие перестук клювов. Воздух наполнился неповторимым, холодным рокотом, присущим лишь истинному десятиструнному циню.

Доменико слушал затаив дыхание. Беллу, хоть и буравил дерзкого гостя яростным взглядом, не произнёс ни слова, заворожённый мастерством юноши.

Чжун Ин резко оборвал звук ладонью и с видом наставника спросил:

— Слышите разницу?

Перед ним стояли профессиональный музыкант и искушённый ценитель. Даже если бы они ничего не поняли, приличие требовало кивнуть со знающим видом.

— Да, — поспешно подтвердил Доменико. — Звук явно смазанный.

Беллу, несмотря на преклонный возраст и ослабевший слух, помрачнел ещё сильнее:

— Именно эта глухота меня и беспокоила. Для того я тебя и позвал.

Чжун Ин едва заметно улыбнулся, мысленно поблагодарив их за содействие:

— Вы обратились по адресу. Инструмент действительно выдающийся, работа тонкая. Но без должного ухода и регулярной игры струны растянулись, а звук потерял былую плотность. Чтобы вернуть ему былое величие, потребуется кропотливая настройка.

И эта «кропотливая настройка» началась с музыки.

Хаотичные созвучия сменились плавной, нежной мелодией. Чжун Ин прикоснулся к струнам бережно и неторопливо — ему нужно было время, чтобы окончательно убедиться, что перед ним тот самый легендарный инструмент, о возвращении которого всю жизнь умолял Шэнь Лин.

Юноша держался с исключительным достоинством. Его движения были столь выверенными и профессиональными, что даже у подозрительного Беллу не поднялась рука прервать эту импровизацию. Старик понимал: перед ним не просто настройщик, а истинный творец.

В прошлом Беллу приглашал множество китайских музыкантов. Но все они лишь испуганно качали головами при виде десяти струн. С замученным видом они принимались нудно объяснять, что этот архаичный строй давно канул в лету, а редкие современные реплики годятся разве что для театральных постановок в качестве декораций. Ни один здравомыслящий исполнитель не стал бы играть на таком инструменте соло — слишком неудобно, громоздко и бессмысленно. «Если всё богатство китайской музыки можно выразить на семи струнах, к чему усложнять себе жизнь?» — в один голос твердили они.

Но этот двадцативосьмилетний юноша управлялся с десятью струнами с невероятной легкостью. Он не пускался в заумные рассуждения и не жаловался на избыток нитей. Его пальцы скользили по грифу уверенно и мягко, исполняя сложнейшие пассажи с грацией весеннего ветра, разгоняющего облака. Смотреть на его работу было истинным эстетическим удовольствием.

Седой старец в инвалидном кресле словно оцепенел. Глядя на склонённого над цинем юношу, он стремительно проваливался в колодезь собственных воспоминаний.

Перед глазами Беллу всплыл тот день, когда он, измученный многомесячным плаванием, впервые сошёл на китайский берег. Чужая страна встретила его грязными, хмурыми улочками и удушливой жарой. Юный Гаррисон проклинал волю отца и мечтал лишь об одном — поскорее вернуться в родную Италию.

Но затем он встретил его.

Человек в длинном шёлковом халате небесно-голубого цвета не отличался ослепительной красотой и уже не был молод. Однако стоило ему коснуться струн этого самого циня, как весь мир для Гаррисона перестал существовать. Та музыка околдовала его на всю оставшуюся жизнь.

Образ Шэнь Линя, дремавший на дне памяти, оживал с каждым ударом струны под пальцами Чжун Ина. В сером, пыльном полумраке традиционного китайского двора фигура Шэня казалась сотканной из чистого света. Он напоминал прекрасный лотос, поднявшийся над болотной мутью — чистое, благородное создание, затмившее своей грацией любые сокровища мира.

Под сводами галереи то затихал, то вновь разгорался чарующий рокот. Чжун Ин не обращал внимания на застывшего в оцепенении Беллу. Под любопытным взглядом Доменико он привычными, отточенными движениями исследовал каждую деталь «Изящного созвучия».

Шёлковые струны были безупречны, а глубокий, проникающий в плоть дерева резонанс подтверждал: этот инструмент — бесценный подлинник, шедевр древних мастеров, превосходящий музейную фальшивку во сто крат.

Пролежав в заточении столько десятилетий, цинь сохранил первозданную мощь. Чжун Ину достаточно было натянуть колки, чтобы инструмент вновь зазвучал на весь мир. Но, скрывая

торжество, он тяжело вздохнул и обратился к Беллу:

— Дерево слишком старое, а натяжение неравномерное. Мне придётся снять несколько струн, чтобы проверить состояние порожков.

Не дожидаясь согласия ошарашенного хозяина, он бережно приподнял тяжёлый корпус инструмента.

Его целью были вовсе не порожки. Ему нужно было увидеть то, что скрывала обратная сторона «Изящного созвучия». Чжун Ин осторожно повернул цинь тыльной стороной к себе, прижав к груди.

Ослабив крепления, он заглянул в резонаторное отверстие на дне корпуса. Там, в полумраке деревянного нутра, чётко проступали вырезанные иероглифы:

«Когда утихнет рокот лишних струн, вновь воссияет изящное созвучие»

Восемь величавых знаков, вырезанных безупречным каллиграфическим стилем, уходили глубоко в древнюю древесину. Слой тёмного лака вокруг надписи покрывала тончайшая вязь вековых трещин, дышащая подлинным величием ушедших эпох.

Чжун Ин прижал инструмент крепче. Его чуткие пальцы коснулись рельефных знаков, и в душе юноши отозвался трепетный восторг, который когда-то испытал сам Шэнь Лин, впервые взяв в руки это сокровище. В мыслях Чжун Ина зазвучали строки из дневника великого мастера:

«Каллиграфия величественна и строга, сии знаки начертаны рукою великого мудреца!»

«Резные борозды подобны иссохшему руслу реки, что ждёт живительной влаги, дабы вновь расцвести весенним цветом!»

Это был он. Подлинный инструмент мастера Шэня.

Грудь Чжун Ина облегчённо вздохнула, напряжение последних дней наконец отпустило его. Теперь, когда подлинность циня была доказана, оставалось лишь выбраться отсюда и связаться с учителем. У них на руках будут неопровержимые доказательства для обращения в посольство или суд. Беллу больше не сможет водить их за нос, подсовывая дешёвые копии.

Старик Беллу сам во всеуслышание объявил о передаче инструмента Фань Чэньюню. Как только экспертиза докажет, что присланный в музей экземпляр — подделка, они вернутся в эту усадьбу с официальным требованием. И тогда этому хитрому, беспринципному вору придётся держать ответ.

Ликуя в душе, Чжун Ин аккуратно натянул девятую и десятую струны на прежние места, продолжая усердно изображать рабочий процесс. Расставаться с цинем даже на время было невыразимо больно, но он понимал: реликвия никуда не денется. Шанс вернуть её домой близок как никогда. Ради этого стоило усмирить гордость, вежливо откланяться и начать действовать наверняка.

Опустив настроенный цинь обратно на подставку, Чжун Ин слегка улыбнулся. На душе было на редкость светло. Он уже собирался произнести пару дежурных вежливых фраз на прощание, как вдруг...

Краем глаза он зацепился за убранство стены прямо напротив стола.

Там висели такие же стеклянные рамки со старыми письмами. Однако текст, выведенный на этих листах, разительно отличался от того, что красовался в кабинете Беллу. Внимание Чжун Ина, до этого полностью поглощённое инструментом, переключилось на строчки писем. Он принялся читать их строчку за строчкой.

С каждым прочитанным словом его недавняя радость угасала, сменяясь глухим оцепенением. Чжун Ину показалось, будто в душной галерее вдруг повеяло ледяным сквозняком, от которого мороз пробежал по коже.

Эти строки были написаны подлинной рукой Шэнь Линя. Его безупречный, летящий почерк невозможно было спутать ни с чем:

«... Если господину Беллу столь любезно сие искусство, я почту за честь лично играть для него всякий раз, когда "Изящное созвучие" вернётся в мой дом...»

«... Семья моя не ведает нужды, и если вы вернёте мне сию лютню, я выплачу любое вознаграждение, какое вам будет угодно назвать, и пребуду в вечном долгу перед благородным господином из Италии...»

«... Если у вас найдутся иные пожелания, прошу, не сочтите за труд высказать их — я приложу все силы своего разума и положения, дабы исполнить их незамедлительно...»

Каждое слово этого послания звучало как безмолвный, полный отчаяния крик, запертый в стенах этой роскошной тюрьмы на долгие восемьдесят лет.

Это не была дружеская переписка.

Это была предсмертная, отчаянная мольба иссохшего от горя человека.

Шэнь Лин униженно умолял чужестранца, укравшего его сокровище, проявить милосердие и вернуть цинь. С каждым новым письмом, висевшим на стене слева направо, тон становился всё

более безнадёжным и горьким. Но даже сквозь эту невыносимую боль проглядывала несокрушимая гордость истинного китайского мужа — слог оставался безупречно вежливым, изящным и кротким.

Пальцы Чжун Ина онемели, в глазах потемнело.

Письма мастера Шэня действительно пересекли океан и попали в руки Беллу. Но несчастный музыкант так и не узнал до самой смерти, что все его горькие слёзы, клятвы и мольбы, прошедшие через руки «усердного» дипломата Люка, превратились для адресата в дежурную слащавую чушь: «пусть наша дружба длится вечно», «желаю вам крепкого здоровья и процветания»!

Заметив, как побледнел Чжун Ин, Беллу тоже поднял голову и ласково посмотрел на старые рамы, висевшие здесь без малого век. Его лицо смягчилось теплой, ностальгической улыбкой:

— Это подлинные письма, которые Шэнь Лин отправлял мне из самого Китая, преодолевая тысячи миль. Раз уж ты китаец и знаешь язык, то сам видишь, какими близкими друзьями мы были.

Гаррисон Беллу никогда не был другом Шэнь Линю. За всю свою жизнь он, возможно, не перемолвился с ним и парой осмысленных слов.

Но старик продолжал упрямо шептать, глядя на пожелтевшую бумагу:

— Он был моим единственным, незабвенным родным сердцем.

<http://bllate.org/book/20108/1998733>